

"смешанной", т.е. построенной одновременно на нескольких основаниях, концепции частей речи, подказанной эмпирическими соображениями.

Предприняв комплексный анализ онтологических, когнитивных и экспериенциальных факторов и коммуникативных потребностей, лежащих в основе возникновения частей речи, Е.С. Кубрякова делает вывод, что "система полноточных ЧР создается и функционирует в языке для того, чтобы отразить дифференциацию структур сознания и их классификацию по конституирующим их концептам предмета, его процессуального и непроцессуального атрибутов" (с. 270). Имя существительное в лучших своих образцах является языковой проекцией первичной онтологической категории ОБЪЕКТА – легко выделяемого сенсорно физического тела в пространстве, обладающего свойствами отдельности, целостности и тождества самому себе, а также противопоставленного в этом пространстве другим телам. Впоследствии на основе категории ОБЪЕКТА происходит формирование иных типов значений, выражаемых именем существительным, а также вычленение категории признаковости, лежащей в основе имени прилагательного, в результате различения целого и его частей. Глагол же связан с определенными положениями дел, ситуациями и событиями и кодирует процедуральные знания о мире и способы бытия и взаимодействия объектов во времени и пространстве. Именно поэтому он характеризуется широким спектром выражаемых значений.

Иерархия онтологических категорий, в которой каждый концепт обладает особым статусом и по-разному зависит от других категорий – пространства и времени, материи и движения, детерминирует специфику их противопоставленности друг другу, наиболее ярко проявляющейся в противопоставленности имени существительного и глагола.

Способы репрезентации существительных, глаголов и прилагательных, равно как и конкретные черты их функционирования в разных языках принимают разные формы, и рассмотрением этих возможностей на широком типологическом фоне автор завершает свою книгу.

Таким образом, отдавая дань прошлому и сохраняя связь с лингвистическими традициями рассмотрения проблемы частей речи, инкорпорируя новейшие данные об устройстве и функционировании языка как важнейшего компонента когнитивной системы, Е.С. Кубрякова создает оригинальную концепцию частей речи, соединив в своем построении разные их аспекты и доказав их взаимосвязанность и непротиворечивость. Исчерпывающая аргументация, дополняемая ясным, точным стилем и стройной композицией книги, не позволяет усомниться в истинности развиваемых положений. Новая книга Е.С. Кубряковой, как и прежние ее работы, несомненно, будет с интересом встречена широким кругом лингвистов.

З.А. Харитончик

Е.В. Падучева. Семантические исследования (Семантика времени и вида в русском языке; Семантика нарратива). М.: Школа "Языки русской культуры", 1996, 464 с.

Новая книга Е.В. Падучевой включает как прежние, известные ее работы, так и новые, ранее не публиковавшиеся. Однако и в знакомых, казалось бы, читателю разделах теперь, в составе монографии, появилось, без какого-либо их "материального" изменения, принципиально новое содержание. Статьи Падучевой, как прежде разрозненные кусочки мозаики, после выхода книги сложились в единую картину, и сразу стало видно, что это были части единого целого, которые, как любые части, могут быть надлежащим образом поняты и функционировать только в составе этого целого.

Проблематика книги, как всегда бывает с работами Падучевой, весьма актуальна. Может быть, точнее сказать, эти проблемы делаются актуальными и вообще становятся проблемами и после того, как о них напишет Падучева, которая обладает замечательным талантом "создавать" (в хорошем смысле) проблемы, видеть их там, где другим все может казаться ясным. Еще одна особенность подхода к исследованию: в ее работах формулируются не только те вопросы, на которые потом даются ответы, но и те проблемы, которые, по мнению самого автора, не нашли адекватного разрешения. Е.В. Падучева

всегда отмечает недостаточность предложенного описания, объяснения, указывает на случаи, примеры, не укладывающиеся в ту или иную схему. Ср. характерный пассаж из данной книги: «Некоторые проблемы с НСВ рез. все-таки остаются. Почему, например, *Зимний дворец строил Растрелли* или *"Карнавальную ночь"* ставил Рязанов звучит естественно, а *"Войну и мир"* писал Толстой — нет?» (с. 22). Такой подход, на наш взгляд, весьма продуктивен. Увидеть проблему часто даже более важно, чем ее решить; пока проблема не поставлена, она заведомо не может быть и решена.

Книга Е.В. Падучевой, как и прежние ее книги, охватывает очень большое количество языкового материала, насыщена наблюдениями, обобщениями, выводами, идеями в самых разных областях. Следует отметить также концентрированность и чрезвычайно высокую сгущенность содержания и стиля книги.

Для рецензируемой монографии, как и для других работ Падучевой, характерен также чрезвычайно тонкий и подробный анализ с углубленным вниманием ко всем частностям и деталям.

Переходя от формы к содержанию книги, отметим, что обе ее части (Часть I. "Семантика времени и вида в русском языке". Часть II. "Семантика нарратива"), несмотря на тематическое различие, объединены общим планом и замыслом и характеризуются единством подхода к явлениям языка. Этот подход соответствует современной, набирающей силу в течение последних десятилетий тенденции в языкознании, противопоставленной широко распространенному в 60-е гг. формализованному, сугубо структурно-семантическому подходу (которому отдала известную дань и Е.В. Падучева в своей первой книге "О семантике синтаксиса"). Это, при максимально возможном сохранении структурной строгости и четкости, формализованности описания, достигнутой в предшествующие годы, последовательный учет субъективного, человеческого фактора в языке, позволяющий расширить горизонты понимания и объяснения, достичь более адекватного описания языка. В этом отношении настоящая книга продолжает и развивает идеи и подходы предшествующей монографии Падучевой "Высказывание и его соотносительность" (М.: Наука, 1985). Субъективная, человеческая "точка зрения" заложена в самом устройстве языка, и от этого при описании языка в конечном итоге никуда не уйдешь. Учет использующего

язык человека в его самых разных, релевантных для функционирования языка аспектах — как субъекта речи (говорящего), дейкиса, сознания, наблюдения, референции и т.д. позволяет понять и объяснить принципиальные особенности и закономерности устройства и функционирования языка на самых разных его уровнях — лексическом (см. главы 7, 8 о таксономических категориях глаголов, в частности глаголов, в значении которых зафиксировано представление о наблюдателе процесса), грамматическом (семантика и функционирование форм времени и вида в русском языке), синтаксическом (сочетаемость форм времени и вида с количественными определителями и временными показателями), иллокутивном (вид и время перформативных глаголов, функционирование форм императива) и, наконец, на уровне текста, в частности художественного текста. В этой связи чрезвычайно важным и плодотворным для описания семантики и функционирования видо-временных форм глаголов, а тем самым, поскольку эти формы составляют основу предложения и текста, для описания семантики предложения и текста, представляется последовательно используемое в работе разграничение двух точек отсчета при интерпретации и употреблении видо-временных форм: ретроспективной и синхронной. Это позволяет увидеть чрезвычайно существенные различия, завуалированные поверхностно-формальным единством, и, наоборот, глубинное единство, стоящее за резкими формальными различиями. В частности, прошедшее время ретроспективное, при котором за точку отсчета принимается момент речи, принципиально отлично от прошедшего времени с синхронной точкой отсчета, употребляющегося в повествовательном (нарративном) режиме. В последнем случае за точку отсчета принимается момент в прошлом, одно-временный обозначаемому глаголом действию или процессу — действию (процесс) представляется с точки зрения находящегося в прошлом синхронного действию, процессу наблюдателя (здесь наблюдатель и говорящий расходятся). Прошедшее синхронное во многих отношениях подобно настоящему времени, также предполагающему синхронную точку отсчета (синхронного наблюдателя-говорящего), особенно настоящему репортажному (*Мяч уходит на уловой...*), это своего рода "настоящее в прошедшем", совмещающее свойства и того, и другого. "...В нарративном режиме, — отмечает автор, — формы прош. и наст.

времени не сильно отличаются одна от другой" (с. 287). Неудивительно, что в этом значении форма прошедшего времени конкурирует с формой собственно настоящего времени – так называемого настоящего исторического.

Другой важной, перспективной и позволяющей автору очень многое увидеть, объяснить и упростить (поскольку всякое объяснение – это в каком-то смысле упрощение, и наоборот) особенностью работы является последовательно прагматический подход к исследованию и описанию явлений языка. Конечно, отсылка к говорящему, наблюдателю, той или иной дейктической, находящейся во внеязыковой ситуации точке отсчета – это тоже в каком-то смысле прагматика, постольку, поскольку прагматика изучает отношение знаков к пользователям знака и к ситуации их употребления. Однако это такая прагматика, которая в строена в семантику грамматических и лексических единиц, это, так сказать, прагматически ориентированный фиксированный компонент значения языковых единиц, который должен быть описан в словарях и в грамматике. Как пишет по этому поводу Падучева, "языковые значения прагматичны в принципе..." (с. 223). С другой стороны, имеются собственно прагматические, внеязыковые характеристики ситуации употребления единиц языка, целей, задач, мотивов пользователей языка, автора и адресата высказывания, какие-то общие, надязыковые закономерности деятельности и поведения человека, которые применимы не только к речевой, но и ко всякой другой деятельности, есть "естественная" логика, которая также управляет не только собственно речевым, но любым осмысленным и целесообразным поведением человека, но приложение которой к речевой деятельности позволяет объяснить в свете более общих принципов и описать закономерности и речевого поведения, употребления и интерпретации языковых единиц.

Последовательное обращение к постулатам речевого, коммуникативного поведения (П. Грайс, Дж. Лакофф, Д. Гордон), использование принципов "естественной логики" (Дж. Лакофф) позволяет разгрузить собственно языковое, семантическое описание, уменьшить его сложность, поскольку многочисленные речевые вариации выводятся в этом случае из ограниченного числа простых семантических инвариантов и общих жизненных прагматических принципов. Принципиальной особенностью метода Е.В. Падучевой как раз и является стремление вывести все, что возможно, прагмати-

ческим путем, или, по крайней мере, показать прагматическую мотивированность, выводимость тех или иных компонентов из фиксированных инвариантных или первичных, основных значений грамматических форм и лексических значений. (Ведь граница между семантикой и собственно прагматикой не является четкой, и наряду с чисто прагматическими выводными компонентами и чисто семантическими, фиксированными в языке компонентами, существует обширная зона переходной области прагматической мотивированности семантических явлений, смешанных частично конвенционализированных семантико-прагматических компонентов, на примере которых можно наблюдать, как прагматика рождает смысл.)

Учет прагматики при описании и объяснении функционирования единиц языка является в книге важнейшей, но только одной из составляющих широкого интегрального (Ю.Д. Апресян), "синтезирующего" подхода к описанию явлений языка, характерного для работ Е.В. Падучевой данного периода и для современной лингвистики в целом. Конкретные лексические значения, типовые (таксономические) значения лексических групп, грамматические (морфологические) значения, значения синтаксических конструкций, сочетаемость и прагматика – все это работает в месте при порождении высказывания и, шире, текста, поэтому без изучения взаимосвязей разных уровней не может быть построена общая теория языка. Исследование взаимодействия грамматики, синтаксиса, лексической семантики и прагматики в работе важно не только само по себе, но и как проливающее свет на само устройство единиц и категорий соответствующих уровней языковой системы, поскольку они сформировались для и в результате такого взаимодействия. Таким образом, продвижение по пути синтеза знаменует собой и продвижение к более глубокому анализу и пониманию назначения и устройства взаимодействующих и обуславливающих друг друга языковых (и внеязыковых) категорий и явлений. В фокусе внимания в книге – узловая (и в смысле места в грамматической системе, и как узел сложных проблем) грамматическая категория русского глагола – категория вида, которая исследуется в тесной связи с лексическим значением и таксономическими категориями глаголов (и, конечно, повторим еще раз, как все вопросы, рассматриваемые в книге, в связи с прагматическими факторами). В монографии исчислены и, что особенно важно, содержательно охарактеризованы, истолкованы через набор семанти-

ческих компонентов частные значения НСВ и СВ в их обусловленности лексическим значением глагола, синтаксическим контекстом и ситуацией, продемонстрирована связь этих значений с инвариантными значениями СВ и НСВ и друг с другом. Вообще принципиально новым в данной работе является последовательно деривационный (в широком смысле) подход к описанию грамматических и лексико-грамматических (таксономических) значений. Это позволило автору получить не только более экономное, но и более адекватное представление семантики языковых единиц, раскрыть, разумеется в каком-то приближении, "природу тех механизмов, которыми пользуется человек при понимании текста" (с. 11). Особое внимание уделено самому интригующему из частных значений НСВ — общефактическому значению, а среди значений СВ — перфектному значению. Некоторая непоследовательность, которую можно отметить в этой связи: если в гл. 1 части I общефактическое значение НСВ выводится из актуально-длительного значения, то в гл. 3 и 4 неоднократно подчеркивается важность для актуализации общефактического значения ситуативного и синтаксического контекста потенциальной кратности; таким образом, общефактическое значение связывается фактически с кратным значением НСВ, значением повторяющегося действия. Разумеется, принципиального противоречия здесь нет, поскольку в системе языка, всё, в том числе и значения НСВ, "держится друг за друга", и общефактическое значение одновременно соотносится, связывается определенным образом и с актуально-длительным значением, и со значением кратности, мотивируется и тем, и другим. Остается, однако, вопрос, к какому из этих значений оно ближе, с каким значением оно соотносится непосредственно.

Другая проблема, связанная с общефактическим значением, заключается в том, что общефактическое "значение" представляет собой размытую, диффузную область различных употреблений, характеризующихся переменным набором сходств и различий. Е.В. Падучевой удалось найти, а может быть, точнее сказать, навести, определенный порядок в этой области путем расщепления общефактических употреблений на собственно общефактическое (которое в свою очередь подразделяется на общефактическое экзистенциальное и общефактическое конкретное) и акциональное значение и описания различий между этими значениями при помощи стандартного набора "семантических" компонентов. Заметим, что

используемый автором термин *семантический*, предполагающий традиционное семантическое описание, в данном случае достаточно условен и даже обманчив, равно как и термин *значение* по отношению к описываемым явлениям. Различные "области" общефактических употреблений объединяются и отличаются друг от друга и от других областей не только собственно семантическими признаками, но также коммуникативными свойствами (различия в актуальном членении предложений с НСВ, касающиеся отдельных компонентов глагольного значения), прагматическими, ситуативными (контекстуальными) особенностями (однократность в общефактическом конкретном и т.д.), референциальными характеристиками (неопределенность обозначаемого общефактическим НСВ действия / события) и другими не семантическими или не чисто семантическими признаками. В книге действительно представлено весьма нетрадиционное комплексное семантико-референциально-коммуникативно-контекстуально-прагматическое описание общефактического типа употреблений НСВ и его разновидностей (что не подчеркивается автором), и только такое всестороннее описание и способно в какой-то степени "схватить" специфику этого типа употреблений.

Чрезвычайно четкий и, пожалуй, исчерпывающий компонентный, признаковый анализ частных значений и подзначений НСВ и СВ позволяет автору наглядно продемонстрировать и объяснить тонкие различия, схождения и расхождения между этими значениями. Заметим, что в этом случае, как кажется, можно было бы идти дальше по пути, предложенному Е.В. Падучевой. Дело в том, что используемые при описании признаки (6 признаков для толкования общефактического значения и его разновидностей) не являются взаимно независимыми, их возможно и поэтому нужно связать, в свою очередь, в систему (как поступила Е.В. Падучева с частными значениями видов), показав, как эти признаки обуславливают друг друга. То, что имеется закономерная связь между такими характеристиками типичных предложений с общефактическим НСВ, как экзистенциальное коммуникативное членение, неопределенность и потенциальная кратность действия / события, видно уже из того, что аналогичный набор свойств имеют типичные бытийные предложения с областью бытия "фрагмент мира" (с тем отличием, что "кратным" и неопределенным является в этом случае не действие / событие, а имеющий

бытие объект), см. [Арутюнова, Ширияев 1983].

Другой не закрытый вопрос – это специфика акционального значения. Как представляется нам, определение специфики акционального значения входит в противоречие с примерами на это значение. При употреблении НСВ акционального, пишет автор, говорящий "ставит в центр внимания не результат, а сам процесс осуществления действия" (с. 49). Соответственно, для того, "чтобы употребляться в акциональном значении, глагол должен входить в предельную пару, т.е. обозначаемая ситуация должна иметь процессный фрагмент; соответственно, глагол должен допускать актуально-длительное употребление" (с. 51). В то же время большинство глаголов из списка примеров на с. 49 такого употребления в норме не допускает (*покупать, подавлять, снимать шляпу, согласовывать материал, шить костюм* и т.д.; ср. странность: *Он в данный момент / сейчас покупает шляпу / подавляет восстание... Он тогда / в тот момент снимал шляпу / шил костюм*). На проблемы с акциональным значением, переходные случаи и "смазанность" различий между акциональным и экзистенциальным значениями указывает и сама Е.В. Падучева (с. 52).

Другим важным аспектом аспектологической проблематики 1-й части книги является исследование того, как инвариантное противопоставление СВ и НСВ преломляется в различных группах глаголов через призму лексической семантики, и рассмотрение в этой связи различных типов видовой парности и, шире, видовой соотносительности. Взаимосвязь лексической и грамматической семантики рассматривается в работе и с противоположной стороны, а именно исследуется, как таксономические категории глаголов (З. Вендлер) связаны с противопоставлением видов в русском языке и, шире, различными способами глагольного действия. Это позволяет Е.В. Падучевой построить более полную и развернутую по сравнению с вендлеровской таксономией глаголов, учитывающую специфику русского языка. Отметим нетривиальный факт: как видно из работы, деление слов на лексико-семантические группировки в значительной степени обусловлено особенностями грамматической системы того или иного языка, поэтому (а может быть, и не только поэтому) лексическая таксономия оказывается в разных языках разной.

Содержательное, компонентное описание семантики видо-временных форм позволяет

состыковать это описание с синтаксическим компонентом грамматики, а именно описать и объяснить на семантическом, содержательном уровне принципы и закономерности сочетаемости видо-временных форм с обстоятельствами времени различных типов и количественными определителями (гл. 11 и 12).

Любое описание языка неполно без учета иллокутивной составляющей, изучения тех лексических, грамматических и т.д. средств, которые используются для придания высказыванию той или иной иллокутивной силы. В книге последовательно и в разных аспектах рассматриваются связи грамматики с иллокутивным компонентом. Это, в частности, с одной стороны, изучение специфики грамматических слов, выражающих иллокутивную силу (гл. 10, "Вид и время перформативного глагола"), и с другой, противоположная задача, изучение иллокутивных возможностей грамматических форм в тесной связи с их грамматической семантикой (гл. 5, "Семантика и прагматика несовершенного вида императива"). Даже удивительно, как много семантических признаков, сторон оказалось у такой как будто незамысловатой формы, как повелительное наклонение НСВ (компоненты 'внимание на начальной фазе', 'немедленно', 'обусловленность действия ситуацией') и какие различные и противоположно окрашенные с этикетной точки зрения иллокутивные функции способна она выполнять, ср. *Вставайте!* – резкое, невежливое категорическое побуждение, приказ и *Садитесь!* – которое в норме воспринимается как вежливое предложение. Однако и здесь, как представляется, возможно пойти дальше и, используя метод самого автора, найти какое-то глубинное единство, из которого можно было бы вывести все эти различия, проявляющиеся на поверхностном уровне. По нашему мнению, связать все эти моменты воедино можно, если выводить значение НСВ императива не из общефактического значения, как это делает автор, а из актуально-длительного значения НСВ, и, далее, из такой модификации последнего, как настоящее репортажное. Актуально-длительное (репортажное) значение НСВ "притягивает" будущее императива к моменту речи и имеющей место в этот момент внеречевой ситуации и получается что-то среднее: "будущее", но немедленное, "наезжающее" на момент речи (компоненты 'немедленно' и 'начальная фаза') и поэтому прагматически связанное с актуальной ситуацией в момент речи. Мотивировка значения НСВ императива в целом

общефактическим значением НСВ не кажется убедительной еще и потому, что противопоставление актуально-длительного (репортажного) значения НСВ и общефактического значения сохраняется, хотя и в ограниченных рамках, и в императиве, ср.: *Заходите!* – немедленно, действие связано с реальной ситуацией в момент речи, например адресат и так уже собирается войти, и *Заходите!* – когда-нибудь, по крайней мере, один раз, но, может быть, и неоднократно-общефактический императив.

Все описанные выше принципы и подходы еще более ярко проявляются во II части. И в этом отношении она является естественным продолжением и расширением первой. Двухединная задача этой части – лингвистическое исследование текста, прежде всего на материале художественного текста, и на этой основе исследование собственно художественного текста как такового. Исследование текста как вершинного уровня языка и речи – это в каком-то смысле итоговая, завершающая задача для лингвистики, по необходимости требующая синтетического подхода. Обобщающее описание текста образует вершинный уровень лингвистической теории, изучающий в полном смысле конечный продукт языковой компетенции и интегрирующий данные всех других уровней и разделов лингвистики, прежде всего, разумеется, наиболее близких к вершине – лексической, грамматической и синтаксической семантики, коммуникативного синтаксиса и лингвистической прагматики. И в настоящее время, как отмечается на с. 195 (и, самое главное, как демонстрируется самой Е.В. Падучевой), такое исследование, вследствие колоссального прогресса лингвистики в последние десятилетия в отмеченных областях, стало возможным. Образец такого исследования – как раз часть II рецензируемой книги.

Как было отмечено выше, на материале художественного текста Е.В. Падучева исследует и выявляет собственно лингвистические закономерности, характерные для функционирования языка и построения текста в статическом и динамическом аспектах. Однако художественный текст и художественный язык имеют и свои особенности и свои собственные закономерности, и "это не нарушение общезыковых правил", как иногда принято считать, "но определенная их трансформация, ..., мотивированная, т.е. контекстно обусловленная" (с. 199).

Эта трансформация закономерно обусловлена прагматической трансформацией коммуникативной ситуации, в которой

функционирует текст художественного произведения, переходом в иной режим употребления и интерпретации языковых единиц – из стандартного, исходного, канонического речевого режима в режим нарративный. В работе отмечаются следующие особенности нарративного режима. Это разобоченность автора текста, повествователя (аналога говорящего в нарративном режиме) и адресата, читателя, вследствие чего в этом режиме не может быть использована стандартная дейктическая система координат, играющая определяющую роль в канонической ситуации речевого общения при установлении отношений референции. Это также то, что мир художественного текста – это в ы м ы ш л е н н ы й, у с л о в - н ы й мир (даже если он похож на настоящий!), к которому не принадлежит ни автор, ни адресат (с. 201). Поскольку именно сведения о реальном мире, которые разделяют говорящий и адресат, представляют собой базу для прагматической интерпретации высказывания (а без такой интерпретации никакое предложение не становится коммуникативно релевантным высказыванием, выполняющим реально ту или иную коммуникативную роль), это также принципиальным образом преобразует всю систему дейктических и референциальных средств, используемых в первичной форме языка. Наконец, это своеобразная "редукция" адресата (отсутствие конкретного синхронного адресата) и трансформация стандартного говорящего с расщеплением его на целый ряд возможных ипостасей: автора (автора-создателя), повествователя, героя, от лица которого ведется рассказ, или с чьей позиции, с точки зрения которого описывается происходящее, субъекта описываемого "потока сознания" и т.д., с возможным изменением по ходу повествования "точки зрения", с которой оно ведется, и с различными возможными "степенями" отличия одного от другого. При этом как минимум одно расщепление имеется всегда: даже в случае наиболее простого повествования от 1 лица, в наибольшей степени подражающего рассказу об имевших место событиях в канонической ситуации речевого общения, автор повествования (как о б р а з автора, который всегда есть в художественном произведении) не совпадает с реально создающим текст лицом, поскольку собственно от себя он бы так не говорил и это бы не было тогда художественным произведением! Все это создает головокружительной сложности проблеме, аналогичную той (только сложнее), которая возникает в обычном языке, в канонической ситуации общения, когда гово-

рящий передает чьи-то слова или мысли (мнения, знания и т.д.), — проблема выражений, используемых говорящим в описывающих эти чужие для говорящего слова, мысли и т.д. предложениях — в так называемых неэкстенциональных контекстах (Ч. I, глава 2, раздел 7). Мир и слова говорящего включают в этом случае мир и, может быть, слова другого субъекта¹, в связи с чем возникают разнообразные вопросы: кому принадлежит использованная говорящим номинация (т.е. цитирует ли он субъекта или подменяет его номинацию своей), приложима ли использованная говорящим номинация в мире субъекта к данному объекту, есть ли в мире говорящего референт, имеющийся в мире субъекта, кому принадлежит презумпции и импликации, содержащиеся в высказывании, и разделяет ли субъект передаваемой мысли или слов презумпции говорящего и т.д. Но в художественном тексте возможных "слоев", "миров", вложенных, как в матрешке, один в другой, гораздо больше! Простая и убедительная типология повествовательных форм создается как раз учетом и анализом различных "слоев", "миров", на которые "расщепляется" в художественном тексте канонический говорящий. Наиболее сложный и изощренный случай — свободный косвенный дискурс, где в одном тексте без каких-либо внешних разграничений сливаются элементы, принадлежащие автору, и элементы, принадлежащие персонажу. Определить и разграничить эти слои — задача трудная, но, оказывается, далеко не безнадежная, поскольку в языке есть большое количество субъективных, "эгоцентрических" элементов, несущих в себе информацию о субъекте речи, и, шире, вообще элементов, предполагающих отсылку к субъекту — дейкиса, восприятия, наблюдения, референции, субъекту сознания, мысли (мнения, знания и т.д.), оценки и т.д. Анализ употребления, функционирования в тексте этих элементов позволяет установить, кому принадлежит тот или иной "слой" в тексте, те или иные слова, а также разграничить различные повествовательные формы в соответствии с тем, кто распоряжается эгоцентрическими словами и какими именно. Однако прежде чем применять всю эту лингвистическую базу к анализу художественных текстов, Е.В. Падучевой пришлось ее создать, поскольку развернутая классификация и целостное, предпринятое с единых позиций, обобщающее описание субъективных, эгоцентрических элементов языка до работы Падучевой отсутствовали¹.

Такое описание и такая классификация, естественно, представляют огромный собственнo лингвистический интерес и сами по себе. Построение, в первом приближении, такой классификации и описание специфики различных типов эгоцентрических элементов языка составляет значительную часть второй части книги. Чтобы дать представление о масштабности выполненной задачи, просто перечислю основные виды эгоцентрических элементов, рассмотренные в работе: собственно дейктические слова; глаголы, содержащие в своем значении отсылку к наблюдателю процесса; слова, обозначающие состояние и содержащие отсылку к субъекту состояния (*жалко, душно, обидно, стыдно* и т.д.); слова, содержащие оценку и, следовательно, предполагающие субъекты оценки; различного рода экспрессивные элементы и синтаксические конструкции; грамматические категории времени, вида и лица; вводные слова разных типов; пресуппозиции (презюмции), входящие в семантику слова; релятивные номинации (*сестра, мать, отец, сосед* и т.п.); иллокутивные показатели; вводные предложения разных типов; показатели цитирования и т.д.

Особое внимание, в развитие главной темы части I, уделено проблеме функционирования в тексте глагольных форм с точки зрения категорий вида, времени и, новый элемент во второй части, лица — естественно, вместе с личными местоимениями. Эти глагольные категории являются основными показателями отношения между говорящим (и его трансформациями, "отщеплениями" в художественном тексте) и описываемыми, изображаемыми событиями², различные интерпретации которого и порождают "нарративный" и "речевой" режимы. Примечательный факт, отмечаемый в этой связи автором, — это гораздо большая близость к канонической, стандартной ситуации речевого общения лирики³, в сравнении с по-

элементов была предпринята Э. Бенвенистом [Бенвенист 1974].

² Категория вида в этой связи упоминается постольку, поскольку она в русском языке "срослась" с категорией времени: специфическим единством значения и функций характеризуются не просто временные, а видо-временные формы, которые и анализируются в работе.

³ Возможно, именно это является одной из причин тяготения лирики к стихотворной форме: необычная, условная форма служит компенсацией стандартности речевого режима, является своеобразным знаком для включения особого режима интерпретации (ср.: [Резина 1998 : 29]).

¹ Первая попытка описать круг такого рода

вестовательной формой (нарративом). Своеобразная имитация речевого режима интерпретации составляет языковую специфику лирики, в то же время нарратив – это гораздо более условная форма. Видо-временные формы, помимо этого, являются главными средствами движения сюжета (времени) в тексте и показателями отношений между составляющими его событиями и ситуациями: следования, одновременности, их связи или, напротив, несвязанности, поэтому функционирование в этом аспекте форм времени и вида также в фокусе пристального внимания автора (Часть I, главы 4, 9, 11).

Рассмотрев на материале обычных и художественных текстов проблемы лингвистической семантики и прагматики, важные для функционирования языка вообще и художественного языка в частности, Е.В. Падучева переходит собственно к лингвопоэтическому (чаще – "лингвопрозаическому") анализу и демонстрирует его возможности на материале произведений И. Бунина, В. Набокова, Р. Киреева, М. Булгакова, стихотворений Б. Пастернака, И. Бродского, А. Ахматовой и др.

Исследования Е.В. Падучевой знаменуют собой наступление принципиально нового этапа в изучении языка художественной литературы и исследования художественной литературы, художественных текстов с точки зрения их языка (это разные задачи, хотя и связанные), а именно этапа распространения лингвистических исследований на область литературоведения, теории литературы и литературной критики. «Теория литературы и литературная критика, – констатирует автор, – не могут обходиться без лингвистического анализа текста – литературоведческий анализ не полон, если ему не предшествует более "примитивный", но в то же время и более основательный (объективный) лингвистический» (с. 198). Собственно говоря, это декларировалось и раньше. Но раньше лингвистический анализ все-таки действительно был по сравнению с литературоведческим анализом примитивным. Между уровнем лингвистического анализа художественного текста и уровнем литературоведческого, критического анализа, касающегося образного и идейного содержания, позиций автора, композиции и общей структуры художественного произведения и т.д., была пропасть. Но теперь эта пропасть исчезла, и назвать лингвистический анализ того уровня, который представлен в работе Е.В. Падучевой, примитивным, действительно, можно только в кавычках. Лингвистический и литературоведческий

анализ сомкнулись, лингвистика "доросла" до литературоведения, ее знания и методы достигли такой степени, когда стало возможно непосредственно на материале исследования языковой ткани произведения получать данные о позиции автора, о том, чья точка зрения представлена в данных словах, с чьей точки зрения – повествователя, персонажа, какого именно персонажа – описывается данная картина, кто скрытый наблюдатель, кто скрытый субъект оценки, разделяет ли автор (не реальный автор как человек, а как повествователь) взгляды и мнения, выраженные в словах героя, и т.д., когда лингвистическим смыслом наполняются понятия различных повествовательных форм, полифонии, отношения повествователя к тем или иным выраженным в произведении положениям и идеям и т.д. Уже не только форма самого низшего уровня, но и содержание, даже в буквальном смысле идейное содержание, становится предметом лингвистического анализа, поскольку оно выражено в языке. И все это можно уже не только интуитивно почувствовать, но и эксплицитно показать и доказать на собственно языковых фактах. Содержательный литературоведческий анализ теперь во многих случаях становится рутинной задачей, которая «уже не требует никакой особой "литературоведческой проницательности"», но выполняется "обычным семантическим анализом" (с. 412).

Как было сказано выше, работа Е.В. Падучевой знаменует собой начало нового этапа в лингвистическом изучении художественного языка. Но, разумеется, это только начало. С той точки, которой достигла Падучева, открылось множество новых проблем и задач. В частности, это задача целостного многоаспектного лингво-литературоведческого исследования и описания конкретного художественного произведения, комплекса таких произведений, принадлежащих одному автору, особенностей литературного направления и т.д., и т.д. В данной книге все это остается на уровне примеров: задачей автора было не провести комплексный литературоведческий анализ художественного текста методами лингвистики, но продемонстрировать возможность такого анализа. Однако поскольку принципы такого анализа разработаны и образцы, примеры его применения ярко продемонстрированы, развитие, распространение его на новые области и тексты в целом, разработка лингвистической типологии художественных текстов представляется делом уже недалекого будущего. Идеи, подходы и методы, выработанные в

книге Е.В. Падучевой, чрезвычайно перспективны и могут быть применены не только к исследованию художественных текстов, но также к анализу текстов других видов и жанров, например официально-деловых текстов с их установкой на то, чтобы максимально отделаться от субъективности в языке (что полностью сделать все-таки невозможно), и научных текстов, где принципиальная субъективность в одних аспектах причудливо сочетается со столь же принципиальной объективностью в других; и, в частности, обзоров и рецензий, с той же проблемой передачи чужого слова и сознания и совмещения в одном тексте пластов, не всегда, как и в художественных произведениях, четко разграниченных, принадлежащих разным субъектам, один из которых – автор рецензии – по-своему преломляет все то, что есть в книге, субъектив-

но, произвольно и непроизвольно, фокусирует внимание на интересующих лично его моментах, может быть, не всегда верно интерпретируя и даже искажая то, что на самом деле имел в виду автор оригинальной работы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Арутюнова Н.Д., Ширяев Е.Н. 1983 – Русское предложение: Бытийный тип. М., 1983.
- Бенвенист Э. 1974 – О субъективности в языке // Э. Бенвенист. Общая лингвистика. М., 1974.
- Ревзина О.Г. 1998 – Системно-функциональный подход в лингвистической поэтике и проблемы описания поэтического идиолекта: Дисс. докт. филол. наук (в форме научного доклада). М., 1998.

И.Б. Шатуновский

Редкие слова в произведениях авторов XIX века. Словарь-справочник / Отв. ред. Р.П. Рогожников. М.: "Русские словари", 1997. 572 с.

Издательство "Русские словари" выпустило на материале текстов XIX века два любопытных словаря: рецензируемый справочник и словарь В.С. Елистратова "Язык старой Москвы" (М., 1997). Несколько ранее вышли из печати словари Р.П. Рогожниковой, Т.С. Карской "Школьный словарь устаревших слов русского языка" (М., 1996) и В.П. Сомова "Словарь редких и забытых слов" (М., 1996). И эти два словаря сделаны преимущественно на материале текстов XIX века. Определившаяся тенденция не случайна: язык XIX века, представлявший всегда известный, "современным" для нас, таит в себе много непознанного, лексический состав этой эпохи никогда не представлялся как нечто единое и отличное от лексики нашего века.

В целом же состояние русской лексикографии сегодня – это естественная реакция на жесткий нормативизм основных словарей русского языка предшествующих десятилетий, требовавший отвержения всего ненормативного, редкого, периферийного, специфичного, индивидуального и т.д. Идея "языкового расширения" (по удачному выражению А. Солженицына) может реализовываться в обращении к жаргонам, к городскому просторечию и другим сферам стихии разговорной речи, что весьма интенсивно и проявляется в современной издательской

практике. Но, с другой стороны, та же идея может реализовываться в отборе лексики из книжно-письменных источников, в внимательном прочтении классических текстов русской литературы. Справочник "Редкие слова..." относится ко второму ряду лексикографических воплощений "языкового расширения".

В то же время справочник "Редкие слова..." имеет одно существенное отличие от трех других словарей, выполненных на материале текстов прошлого века. Если труды В.П. Сомова, В.С. Елистратова, Р.П. Рогожниковой и Т.С. Карской претендуют на некоторую законченность в отборе слов и окончательность в толковании, в исторической и стилистической классификации лексем, то "Редкие слова..." изначально строятся как вспомогательная словарная разработка, необходимая для осмысления изменений, происходящих в лексическом составе русского языка, в отдельных группах слов, в истории отдельных слов.

Рецензируемый справочник был заявлен еще в 1982 году в статье Р.П. Рогожниковой [Рогожникова 1982]. Между оформлением замысла и результатом – 15 лет, но существенных изменений в определении задач, или "причин" необходимости словаря, по словам ответственного редактора, не произошло. Представленный материал может